

Н. К. Гудзий — исследователь «Слова о полку Игореве»

«Слово о полку Игореве» входило в сферу научных интересов Н. К. Гудзия на протяжении всей его научной деятельности.

Первая его работа о «Слове» вышла в 1914 г.: «Литература „Слова о полку Игореве“ за последнее двадцатилетие (1894—1913) (Критико-библиографический обзор)». Подзаголовок этой работы Н. К. (она была опубликована в ЖМНП — 1914. № 2. С. 353—387 и выпущена отдельной брошюрой) определяет ее направленность: автор не только характеризует содержание реферируемых им работ и сравнивает их с предшествующими исследованиями «Слова», но и дает им свою оценку, высказывает собственные соображения по тому или иному вопросу.

Так, например, Н. К. Гудзий подчеркивает, что, по его мнению, «старый Владимир» «Слова» — это Владимир Мономах. Автору «Слова», считает он, имя Владимира Мономаха должно было говорить гораздо больше, чем имя Владимира I Святославича. Имя Мономаха теснее связано с разгаром княжеских междоусобиц и борьбой с половцами, а для «Слова» это центральные проблемы. Следует отметить, что по этому вопросу до сих пор нет единого мнения. Одни исследователи считают, что в виду имеется Владимир I Святославич, другие видят в «старом Владимире» Владимира Мономаха.

Рассматривая перевод «Слова» В. Шурата (1907 г.), Н. К. Гудзий отмечает как недостаток его — обилие рифм. Он пишет: «Ведь в самом „Слове“ рифмы сравнительно редки, и вводить их в изобилии в перевод — значит нарушать стиль памятника».¹ Вопрос этот принципиален для практики переводов «Слова» и сегодня.

Н. К. Гудзий категорически отвергает точку зрения, согласно которой «Слово» первоначально являлось устным произведением и лишь позже было записано. Проблема не потерявшая своей остроты и в наше время.

Чтобы дать представление о характере оценок реферируемых работ Н. К. Гудзием, приведу его отзыв об исследовании Г. М. Бараца «О библейском элементе в „Слове о полку Игореве“» (Киев, 1912). Работа эта, пишет Н. К. Гудзий, «должна быть упомянута при обозрении литературы „Слова“ прежде всего как образчик того любительского, ненаучного и неуважительного отношения к драгоценному памятнику, какое не вызывает к себе иного отношения, кроме чувства досады и вместе с тем невольного изумления перед беспредельностью человеческой изобретательности (...) Для того чтобы доказать поставленный тезис, автор до неузнаваемости растормошил те места памятника, которые он обрек себе в жертву (...) С необычайной легкостью г. Барац переносит целые строки и отдельные слова с таким

¹ Гудзий Н. К. Литература «Слова о полку Игореве»... С. 23.

расчетом, чтобы подогнать их под библейский текст (...) Усердие, с каким г. Барац опустошает этот текст, было бы еще понятно, если бы библейские параллели, им приводимые, были хоть сколько-нибудь подходящи; но дело в том, что сближения, „очевидные до наглядности“, очевидны едва ли не для одного лишь г. Бараца».²

Я привел эту большую цитату из первой работы Н. К. Гудзия по «Слову» не только потому, что в ней ярко отразился темперамент Н. К. и его непримиримость к дилетантизму в науке, но и потому, что она и сегодня звучит очень современно. К сожалению, не только в присылаемых в Отдел древнерусской литературы ИРЛИ на отзыв статьях о «Слове», но и во многих опубликованных работах перед нами и сегодня предстают образчики «любительского, ненаучного и неуважительного отношения» к «Слову», вызывающие «невольное изумление перед беспредельностью человеческой избирательности».

Последующие работы Н. К. Гудзия по «Слову о полку Игореве» могут быть разделены на две большие группы: исследования общего характера, с анализом всех сторон памятника и исследования отдельных, частных вопросов. Промежуточными между этими двумя основными направлениями являются осуществленные Н. К. издания «Слова о полку Игореве» с его вступительными статьями и комментариями, а иногда с научным прозаическим переводом «Слова».

Первой большой исследовательской работой Н. К. Гудзия по «Слову» явилась его статья 1937 г. «Слово о полку Игореве».³ Свообразными продолжениями и добавлениями к этой статье были опубликованные в 1938 г. статьи: «„Слово о полку Игореве“ и древнерусская литературная традиция» (Литературный критик. 1938, № 5. С. 59—83) и «„Слово о полку Игореве“ и его историческая почва» (Исторический журнал. 1938, № 7. С. 5—13). Две последние статьи перепечатаны в сборнике статей Н. К. Гудзия «Литература Киевской Руси и украинско-русское литературное единение XVII—XVIII веков», вышедшем в издательстве «Наукова думка» (Киев, 1989).⁴ В этот сборник включено еще несколько работ Н. К. о «Слове», в том числе статья на украинском языке, опубликованная впервые в 1955 г. как предисловие к изданию «Слова» в украинской библиотеке поэта («Слово о полку Игореві»). В этой статье Н. К. дает подробный обзор и характеристику переводов «Слова» на украинский язык. Следует отметить, что уже в статье 1938 г. Н. К. Гудзий подчеркивал: «Возникнув в той общей колыбели, какой была Киевская Русь для великорусов, украинцев и белорусов, оно («Слово о полку Игореве». — Л. Д.) по праву принадлежит в равной мере всем этим трем братским народам» («Слово...» и ... почва. С. 193).

Остановлюсь подробнее на статье из «Литературной учебы», привлекая по ходу рассказа и другие работы Н. К. по «Слову».

Н. К. Гудзий подчеркивает художественно-публицистический характер «Слова о полку Игореве». «В „Слове“, — пишет он, — не найдем почти никаких точных фактов, относящихся к битве, зато в нем передан весь ее драматизм и все ее необычайное напряжение».⁵ Он отмечает особо личностный характер «Слова»: «Фигура автора не уходит... с поля нашего зрения на протяжении всего повествования».⁶ Н. К. Гудзий отмечает, что подлинный

² Там же. С. 35—36.

³ См.: Лит. учеба. М., 1937. № 5. С. 30—54.

⁴ «„Слово о полку Игореве“ и древнерусская литературная традиция» — с. 153—180; «„Слово о полку Игореве“ и его историческая почва» — с. 181—194. Далее ссылки на эти статьи по данному изданию — в тексте с указанием страниц.

⁵ См.: Лит. учеба. С. 34—35.

⁶ Там же. С. 37.

характер народности «Слова» заключается в идейной направленности памятника — в призыве князей к единению для борьбы с внешними врагами Руси. По мнению Н. К. Гудзия, «содержание „Слова“ не дает нам никаких оснований для утверждения, что его автор был участником похода». «В „Слове“, — писал он, — отсутствуют те конкретные подробности в описании событий похода, которые были бы естественны у очевидца, непосредственно наблюдавшего все происходящее» («Слово...» и ... традиция. С. 153—154). Это положение Н. К. Гудзия диаметрально противоположно утверждениям аксиоматического характера о безусловном участии автора «Слова» во всех событиях 1185 г., присущим целому ряду работ о «Слове». Тем ценнее и интереснее предположения на этот счет Н. К. Гудзия.

В вопросе об авторе «Слова о полку Игореве» Н. К. Гудзий считает бесполезными поиски его конкретного имени. Автором, скорее всего, был дружинник. По происхождению он, вероятно, из Северной земли, возможно, черниговец. По своей же идейной позиции он был близок Святославу Киевскому, поэтому идеализировал его образ, преувеличивая политические и нравственные качества этого князя. По мнению Н. К. Гудзия, «Слово» было создано в Киеве.

Подробно останавливается Н. К. Гудзий и на вопросе о времени создания «Слова». Н. К. присоединяется к точке зрения тех исследователей, которые считают, что «Слово» было создано в два приема: сначала была написана основная часть, оканчивающаяся плачем Ярославны. Так как непосредственной историко-политической причиной возникновения «Слова», по мнению Гудзия, являлось приготовление киевского князя Святослава к походу на половцев летом 1185 г., как только до Святослава дошла весть о поражении Игоря, он полагает, что тогда и была написана первая, основная часть «Слова». В статье «„Слово о полку Игореве“ и древнерусская литературная традиция» Н. К. Гудзий добавил к этому еще одно соображение. Обращая внимание на призыв в «Золотом слове» Святослава к князьям Рюрику и Давиду Ростиславичам, он пишет: «Судя по повести Ипатьевской летописи, Рюрик и Давид тогда же, летом 1185 г., откликнулись так или иначе на призыв Святослава и двинулись против половцев. Значит, нужно думать, „Золотое слово“ было написано еще до того, как стало известно о выступлении Ростиславичей» (С. 158). Вторая, мажорная, часть «Слова» была написана после бегства Игоря из плена, которое Н. К. Гудзий относит к осени того же 1185 г. Таким образом, эта, заключительная, часть «Слова» была создана в конце 1185—начале 1186 г. «Но, — уточняет Н. К. Гудзий, — если мы согласимся с теми исследователями, которые полагают, что преждевременно было петь славу по невернувшемуся еще из плена сыну Игоря Владимиру, а вернулся он на Русь лишь осенью 1187 г., — то время написания заключительной части „Слова“ придется отодвинуть к концу 1187 или началу 1188 г.»⁷

Я так подробно остановился на датировке Н. К. Гудзием «Слова о полку Игореве» потому, что в работах, специально посвященных датировке памятника, как правило, на Н. К. Гудзия не ссылаются. Видимо, это объясняется тем, что данный вопрос рассматривался им попутно, в общих работах о «Слове». Нужно, однако, отметить, что Н. К. Гудзий опубликовал по этому вопросу и отдельную статью — «Где, кем и когда было написано „Слово о полку Игореве“?» Но статья эта была напечатана в «Литературной

⁷ Гудзий Н. Слово о полку Игореве // Слово о полку Игореве: Подлинный текст, его прозаический перевод и художественные переводы и переложения русских поэтов 19-го и 20-го вв. / Ред. текста, его прозаич. пер. и коммент. Н. К. Гудзия; Ред. худ. пер. и переложений П. Скострева. М., 1938. С. 27.

газете» за 15 апреля 1938 г. и, затерявшись в потоке юбилейных статей 1938 г., выпала из поля зрения исследователей, хотя она и фиксируется в библиографиях по «Слову», в общих библиографиях по древнерусской литературе и в персональных библиографиях Н. К. Гудзия.

Останавливался Н. К. Гудзий и на вопросе об отражении в «Слове» древнерусской языческой мифологии. Он подчеркивает, что автор, без сомнения, христианин и нет никаких оснований думать, что он верил в языческих богов. «Вернее предполагать, — пишет Гудзий, — что автор был настолько проникнут поэтической стихией, что, несмотря на свою связь с христианством, не мог и не хотел уйти от той системы мироощущения, которая подсказывалась ему язычеством и которая еще была очень сильна в ту пору среди широких масс. Не надо забывать, что тогда еще живо было так называемое двоеверие, бывшее источником поэтического воззрения на природу».⁸

Рассматривая вопрос о ритмическом строе «Слова», Н. К. отмечает, что все попытки разложить «Слово» на стихи окончились неудачей. Сам он склонен сравнивать «Слово» с скандинавскими сагами и думает, что оно «представляло собой чередование прозаических и стихотворных, в основе своей песенных фаз».⁹

Много внимания как в статье 1937 г., так и в последующих работах уделяет Н. К. Гудзий вопросу изображения природы в «Слове о полку Игореве», художественным средствам памятника. В статье 1937 г. он писал: «Важнейшей особенностью, обуславливающей богатство его («Слова». — Л. Д.) поэтических красок, является неразрывная связь в нем мира природы и мира человека. Природа принимает здесь самое активное — дружеское или враждебное — участие во всех происходящих событиях... Природа в „Слове“ — не немая, бессловесная, а звучащая и даже говорящая: галки говорят своей речью, Донец разговаривает с Игорем, даже неодушевленные предметы издают звуки: кричат телеги, говорят боевые знамена. Звуками, звоном, пением переполнено вообще все „Слово“».¹⁰ Н. К. Гудзий анализирует особенности символики «Слова», его эпитетов, сравнений, метафор и прослеживает связь их с устным творчеством и книжной, письменной литературой той эпохи. Н. К. Гудзий подчеркивает, что параллели «Слова» с литературными памятниками XI—XII вв. «говорят только об общности известных стилистических формул» в «Слове» и в сопоставляемых произведениях. Наиболее обстоятельно эта проблема рассмотрена им в статье «„Слово о полку Игореве“ и древнерусская литературная традиция». Н. К. Гудзий отмечает случайность и мизерность дошедшего до нас материала для сопоставлений. Говоря о литературе предшествующей, одновременной и ближайшей после «Слова», Н. К. Гудзий пишет, что «Слово о полку Игореве», «не имея равных себе по своим художественным достоинствам, все же имеет достойных соседей» (С. 166). Подробнее останавливаясь на «Слове о Законе и Благодати» Илариона, Н. К. Гудзий подчеркивает, что оно «является блестящим показателем той высоты литературного мастерства, какого достигла Русь в пору раннего расцвета ее культуры, при Ярославе Мудром» (Там же. С. 170). «Если принято указывать на отсутствие литературных precedентов для „Слова о полку Игореве“, — пишет он, — то с не меньшим правом можно указать и на такое же отсутствие precedентов и для „Слова“ Илариона» (Там же. С. 169).

⁸ См.: Лит. учеба. С. 40.

⁹ Там же. С. 46.

¹⁰ Там же. С. 39.

По мнению Н. К. Гудзия, центральной идеологической частью «Слова о полку Игореве» является «Золотое слово» Святослава. Естественно поэтому, что он уделит много внимания определению границ «Золотого слова». В статье 1937 г. он ограничивает его объем третьим рефреном «загородите полю ворота...», т. е. в «Золотое слово» включаются обращения ко всем князьям, заканчивающиеся обращением к Ингварю, Всеволоду и всем трем Мстиславичам. Но уже в этой статье Гудзий замечает, что «не лишено основания» мнение В. В. Каллаша, который ограничивал «Злато слово» Святослава только упреками князьям, кончая фразой «Туга и тоска сыну Глебову», призывы к князьям, следующие за ней, идут уже от имени автора «Слова». Позже Н. К. Гудзий пересмотрел свою точку зрения по данному вопросу и посвятил специальную статью этой проблеме.¹¹

Подробно рассмотрев литературу вопроса, Н. К. Гудзий приходит к выводу, что аргументы тех исследователей, который считали невозможным ограничивать «Золотое слово» упреками Игорю и Всеволоду и сетованиями киевского князя по поводу того, что князья ему не помогают, неубедительны: «Почему, спрашивается, слово Святослава, содержащее в себе только упреки Игорю и Всеволоду и вместе с тем указывающее основную причину бедствий Руси в княжеских несогласиях, не могло быть названо автором „Золотым словом“, раз оно действительно затрагивает самые животрепещущие и злободневные вопросы тогдашней политической современности?». ¹² Длиться до плача Ярославны, как полагали А. С. Шишков, Д. Дубенский и другие, «Золотое слово» не могло — оно слишком длинно в таком случае. Ведь сказано «изрони злато слово», а глагол «изронить» явно может быть соотнесен только с краткой речью. Не могло входить в «Золотое слово» все, что говорится о Всеславе Полоцком. Не могло быть в обращении великого князя киевского к другим князьям наименования их «господами». Не мог Святослав Киевский призывать Всеволода «поблюсти» киевский стол, не мог киевский князь подчеркивать, что галицкий князь «открывает Киеву врата». Автор «Слова» говорит о том, что «Злато слово» со слезами смешано: «...о слезах, разумеется, можно говорить, только имея в виду упреки и сетования Святослава, обращенные к Игорю и Всеволоду, а никак не воззвание к князьям, в котором нет ничего похожего на слезную речь». ¹³ «Золотое слово», приходит к выводу Н. К. Гудзий, включает в себя «только укоры Святослава Игорю и Всеволоду и его жалобы на то, что князья ему не в помощь и что впустую обернулись года „на ниче ся години обратиша“». ¹⁴ Н. К. Гудзий считает, что фраза о туге и тоске Владимира, сына Глебова, начиная со слов «се у Римъ кричать...», в состав «Золотого слова» уже не входит. Анализируя характер употребления в «Слове о полку Игореве» эпитета «золотой», Н. К. Гудзий приходит к заключению, что в «Золотом слове» Святослава этот эпитет относится не к значению и содержанию «Золотого слова», а употреблен потому, что это слово великого князя киевского.

Имея в виду предлагавшиеся перестановки в «Золотом слове» Святослава, Н. К. Гудзий пишет: «Тенденция к перестановкам и перетасовкам текста „Слова“, как и любого другого художественного текста, должна быть всячески ограничена, и попытки в этом направлении, сделанные Вяземским, Потебней, Прозоровским, Ляцким и другими, должны быть безусловно

¹¹ О составе «Золотого слова» Святослава в «Слове о полку Игореве» // Вестн. Моск. ун-та. 1947. № 2. С. 19—32. Перепечатана в кн.: Гудзий Н. К. Литература Киевской Руси. С. 195—215.

¹² Гудзий Н. К. Литература Киевской Руси... С. 210.

¹³ Там же. С. 213.

¹⁴ Там же.

осуждены».¹⁵ Правда, приемлемости некоторых перестановок в исключительных случаях он не отвергает, но отмечает, что они возможны только тогда, когда перестановки могут быть обоснованы палеографическими доводами.

Останавливался Н. К. Гудзий и на проблеме жанра «Слова о полку Игореве». И в этом вопросе его взгляды со временем претерпели определенное изменение. В статье 1937 г. Н. К. Гудзий пишет, что название памятника «словом» позволяет «рассматривать „Слово“ как ораторскую речь, как обращение к слушателям и читателям... Автор „Слова“... все время стоит в позиции оратора, говорящего от первого лица».¹⁶ Это же определение повторяется и в первых изданиях учебника. После выхода в свет хорошо известных работ И. П. Еремина 1944 и 1950 гг., в которых он обосновывал свою точку зрения на «Слово» как на памятник политического красноречия,¹⁷ Н. К. Гудзий иначе, чем прежде, характеризует жанровую природу «Слова». В 5-м издании своего учебника он пишет: «„Слово о полку Игореве“ совмещает в себе жанры ораторского произведения, воинской исторической повести, героической песни. Отсюда и наименование его самим автором то „словом“, то „песнью“, то „повестью“. Жанровые признаки повести и песни в „Слове“ самоочевидны, но в нем присутствуют и особенности, свойственные ораторскому жанру и сказывающиеся прежде всего в непосредственном обращении автора к своим слушателям и читателям».¹⁸ Давая к этим формулировкам жанра «Слова» ссылку на статью И. П. Еремина 1950 г., Н. К. Гудзий замечает: «См. интересную и содержательную по отдельным наблюдениям, но одностороннюю по общим положениям статью И. П. Еремина».¹⁹

В статье 1937 г. и в других работах конца 30-х—начала 40-х гг. Н. К. Гудзий отмечал, что имеющиеся в «Слове» хронологические нарушения усиливают эмоциональность памятника. Наиболее яркий пример такого хронологического нарушения он видел в том, что о солнечном затмении, которое, как известно, произошло на девятый день похода Игоря, автор сообщает сразу же после вступительной части, до рассказа о выступлении Игоря в поход. «Вследствие такого передвижения затмения, — писал Н. К. Гудзий в статье 1937 г., — фигура Игоря выигрывает в своей рыцарственности. Этим подчеркивается его неустрашимость, пренебрежение к грознейшей опасности». Благодаря этому, продолжает Н. К. Гудзий, «получается и значительный художественный выигрыш: предзнаменование беды, как увертюра, открывает собой повествование о походе, с тем, чтобы в различных проявлениях повторяться до тех пор, пока в судьбе Игоря не произойдет благоприятный перелом».²⁰ В 1950 г. Н. К. Гудзий опубликовал специальную статью «О перестановке в начале текста „Слова о полку Игореве“».²¹ В этой статье он обосновывал необходимость перенесения отрывка «Тогда Игорь възръ на свѣтлое солнце ... съ вами, русици, хошу главу свою приложити, а любо испити шелоомъ Дону» дальше от начала,

¹⁵ Там же. С. 211.

¹⁶ См.: Лит. учеба. С. 37.

¹⁷ Еремин И. П. 1) Слово о полку Игореве: (К вопросу о его жанровой природе) // Учен. зап. Ленингр. гос. ун-та. 1944 (на обложке — 1945). № 72. Сер. филол. наук. Вып. 9. С. 3—18; 2) «Слово о полку Игореве» как памятник политического красноречия Киевской Руси // Слово о полку Игореве: Сб. исследований и статей / Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1950. С. 93—129.

¹⁸ Гудзий Н. К. История древней русской литературы. 5-е изд., перераб. М., 1953. С. 127.

¹⁹ Там же. С. 128, примеч. 1.

²⁰ См.: Лит. учеба. С. 38.

²¹ См.: Слово о полку Игореве: Сб. исследований и статей / Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1950. С. 249—254.

ставя его после характеристики Всеволодом своих воинов-курян, перед отрывком, в котором о затмении говорится во второй раз. Такая перестановка, в результате которой два отрывка «Слова», описывающие солнечное затмение, объединяются в единый текст, как считает Н. К. Гудзий, оправдана не только палеографически (такое палеографическое обоснование ее было дано в свое время А. И. Соболевским),²² но и логикой текста и историческим временем затмения. С возражениями на эту статью Н. К. выступил В. И. Стеллецкий.²³ На критику В. И. Стеллецкого Н. К. Гудзий ответил статьей «Еще раз о перестановке в начале текста „Слова о полку Игореве“».²⁴ Целый ряд доводов Н. К. Гудзия звучит вполне убедительно. Однако считать этот вопрос окончательно решенным и после статей Н. К. Гудзия нельзя. До сих пор многие исследователи и переводчики перестановку эту не принимают. В издании «Слова о полку Игореве» в 1949 г. в малой серии «Библиотеки поэта» Д. С. Лихачев делает такую перестановку, но уже в издании 1950 г. в серии «Литературные памятники» отказывается от нее и оставляет начало «Слова» без изменения во всех своих последующих изданиях его. О. В. Творогов, наоборот, считает перестановку необходимой, и именно с такой перестановкой опубликован текст «Слова» во втором томе «Памятников литературы Древней Руси».²⁵ Мне представляется, что колебания в этом вопросе и самого Н. К. Гудзия и других исследователей «Слова» являются веским аргументом в пользу того, что перестановка здесь не нужна. Ведь и без нее ясно, что речь идет об одном и том же затмении и в любом случае подчеркивается пренебрежение Игоря зловещим предзнаменованием. И второй рассказ о затмении начинается словами: «Тогда выступи Игорь князь въ златъ стремя и поѣха по чистому полю. Солнце ему тъмою путь заступаше...». Как убедительно показал Д. С. Лихачев, оборот «вступить в стремя» равнозначен сообщению о выступлении в поход.

Помимо уже упоминавшихся выше статей Н. К. Гудзия по отдельным вопросам «Слово»ведения есть еще ряд статей, мною не названных.

Еще в 1937 г. в «Литературной газете» за 26 июля Н. К. Гудзий опубликовал статью «Пушкин за работой над „Словом о полку Игореве“». В 1941 г. в сборнике Московского института истории, философии и литературы было напечатано большое исследование Н. К. Гудзия «Пушкин в работе над „Словом о полку Игореве“»,²⁶ в котором раскрывалась история работы Пушкина над «Словом» и прослеживался характер этой работы.

В 1946 г. Н. К. Гудзий опубликовал статью «Ревизия подлинности „Слова о полку Игореве“ в исследовании проф. А. Мазона»,²⁷ а в 1950 г. — статью «Невероятные догадки проф. Мазона о вероятном авторе „Слова о полку Игореве“».²⁸ Материалы этих статей были обобщены и дополнены в статье Н. К. «По поводу ревизии подлинности „Слова о полку Игореве“».²⁹ В этих трех статьях Н. К. Гудзий подверг тщательному критическому

²² Соболевский А. И. К «Слову о полку Игореве» (Материалы и заметки по древней русской литературе XVIII) // ИОРЯС, 1916 Т 21, кн 2 С 210—213

²³ Стеллецкий В. И. К вопросу о перестановке в начале текста «Слова о полку Игореве» // ТОДРЛ М., Л., 1955 Т 11 С 48—58

²⁴ См. ТОДРЛ М., Л., 1956 Т 12 С 35—41

²⁵ ПЛДР XII век / Сост. и общая ред. Л. А. Дмитриева, Д. С. Лихачева. М., 1980 С 372—387

²⁶ Пушкин. Сб. статей / Под ред. А. Еголина. М., 1941 С 260—291

²⁷ Учен. зап. Моск. гос. ун-та им. М. В. Ломоносова. М., 1946. Вып. 110. Труды кафедры русской литературы. Кн. 1 С 153—187

²⁸ См. ИОЛЯ, 1950 Т 9, вып. 6 С 492—498

²⁹ «Слово о полку Игореве» — памятник XII века. Сб. статей / Под ред. Д. С. Лихачева. М., Л., 1962 С 79—130

разбору работы А. Мазона о «Слове» как поздней подделке, автором которой был, по его мнению, Н. Н. Бантыш-Каменский.

В 1951 г. опубликована статья Н. К. Гудзия «Судьбы печатного текста „Слова о полку Игореве“». ³⁰ Здесь рассмотрены основные принципы первого издания «Слова», дается характеристика научной значимости всех последующих изданий древнерусского текста «Слова» вплоть до издания 1950 г. в серии «Литературные памятники». Эта статья Н. К. является расширенной публикацией его доклада «Итоги текстологического изучения первого издания „Слова о полку Игореве“», прочитанного им в Пушкинском Доме 9 декабря 1950 г. на научной сессии Отделения литературы и языка АН СССР и Пушкинского Дома, посвященной 150-летию первого издания «Слова».

В статье «О „Слове о погибели Руския земли“» ³¹ Н. К. Гудзий остановился на вопросе связи этого «Слова» со «Словом о полку Игореве». Говоря о приводимых исследователями параллелях между обоими памятниками, он писал: «Как нам представляется, все эти параллели из обоих памятников, в том числе и в наибольшем количестве подобранные А. В. Соловьевым, — настолько общего характера, что едва ли могут свидетельствовать о литературной связи „Слова о погибели“ со „Словом о полку Игореве“, даже при тех оговорках, которые делает А. В. Соловьев. Как бы мы ни ценили „Слово о погибели“ с точки зрения литературной, нет необходимости во что бы то ни стало подтягивать его к „Слову о полку Игореве“. И думается, прав был В. Н. Перетц, когда он в своей книге о „Слове о полку Игореве“ 1926 года, прослеживая его судьбу в рукописной традиции, не включил в эту традицию „Слова о погибели Руския земли“». ³² В большой статье, посвященной «Слову о погибели», ³³ А. В. Соловьев, имея в виду данную статью Н. К. Гудзия, писал: «Тут некоторое недоразумение. Я вовсе не так уж убежден в том, что автор „Слова о погибели“ был знаком со „Словом о полку Игореве“, как это кажется Н. К. Гудзию. Моей задачей не было „подтягивать“ одно „Слово“ к другому. В моей французской статье я настаивал лишь на тематическом и стилистическом сходстве между обоими, на том, что оба „Слова“ — „несомненно продукт одной и той же поэтической школы“. Я хотел указать, что такая поэтическая школа существовала и могла давать светские произведения различной окраски». ³⁴ В этой статье А. В. Соловьев к 12 ранее указанным параллелям между обоими «Словами» приводит еще 12.

Последней работой Н. К. Гудзия о «Слове», вышедшей в свет в год его смерти, была статья «А. А. Шахматов о „Слове о полку Игореве“». ³⁵ Н. К. Гудзий приводит ряд примеров из работ Шахматова, из которых видно, что Шахматов определял «Слово» как литературный памятник XII в. Эта статья Н. К. являлась отголоском тех споров, которые велись вокруг «Слова» в связи с работой над «Словом» А. А. Зимина, пришедшего к заключению, что «Слово о полку Игореве» — подделка конца XVIII в.

Н. К. Гудзий часто выступал с рецензиями на разные работы по «Слову». Но особое место среди этих многочисленных рецензий занимает его рецензия на книгу о «Слове о полку Игореве» А. К. Югова. ³⁶ Рецензия Н. К. Гудзия

³⁰ ТОДРЛ М., Л. 1951 Т. 8 С. 31—52

³¹ См. ТОДРЛ Т. 12 С. 527—545

³² См. Там же С. 544

³³ Соловьев А. В. Заметки к «Слову о погибели Руския земли» // ТОДРЛ М., Л., 1958, Т. 15 С. 78—115

³⁴ Там же С. 110

³⁵ ИЮЛЯ, 1965 Т. 24, вып. 1 С. 3—6

³⁶ Слово о полку Игореве / Пер. и коммент. А. Югова, Вступ. статьи акад. Б. Д. Грекова и акад. А. С. Орлова М., 1945

была опубликована в 1946 г.,³⁷ в ответ на эту рецензию Югов опубликовал в 1947 г. открытое письмо Н. К. Гудзию «Грамматика на защите истории»,³⁸ в том же году Н. К. Гудзий опубликовал ответ А. К. Югову — «В защиту грамматики, истории и науки вообще».³⁹ Н. К. Гудзий выступил с резкой критикой неоправданных и научно слабо обоснованных толкований А. К. Юговым целого ряда слов, оборотов и понятий «Слова о полку Игореве». Я не буду перечислять, что именно подверглось в переводе и толкованиях А. К. Югова критике со стороны Н. К. Гудзия. Приведу лишь два больших отрывка из рецензии Н. К. Гудзия и его ответа на письмо А. К. Югова, так как эти отрывки, как мне кажется, дают очень точное определение общего характера работы А. К. Югова и не потеряли своей злободневности по вопросу о дилетантизме в филологии.

В заключении рецензии на книгу А. К. Югова Н. К. Гудзий писал: «Мы так подробно рассмотрели труд А. К. Югова потому, что этот труд написан с неоправданной претензией сказать новое слово в науке о „Слове“ и заново переосмыслить толкование его отдельных мест, прочно вошедшее в научный и педагогический обиход. Притом это сделано с такой самоуверенностью и с таким сознанием непререкаемости своих суждений, какие необычны в работах подлинных специалистов-филологов, всегда сознающих всю трудность и сложность проблем, возникающих при изучении и толковании „Слова о полку Игореве“, и потому обнаруживающих большую скромность и значительно меньшую категоричность в своих домыслах и утверждениях, чем это делает А. К. Югов, как видно, не имеющий специальной филологической подготовки, необходимой для той работы, за которую он взялся».⁴⁰

Ответ же Н. К. Гудзия на письмо А. К. Югова завершался так: «В начальных строках своего письма, ссылаясь на совет Пушкина не отмалчиваться от критики, когда нужно восстановить здравые понятия касательно искусства, А. К. Югов задачей своего письма ко мне ставит восстановление здравых понятий относительно „Слова о полку Игореве“. Охота восстанавливать мнимо здравые понятия в отношении столь много-страдального памятника как „Слово“, ставшего давно уже жертвой многих любительских экспериментов, время от времени принимает назойливые и агрессивные формы. И чаще всего бывает так, что, чем меньше такие восстановители подготовлены к серьезной филологической работе, тем отважнее, беспечеллационнее и шумливее они заявляют претензию на непогрешимость своих рассуждений, в которых если и попадаются крупницы здравых понятий, то они с избытком перекрываются псевдонаучными измышлениями и беспочвенными гаданиями. Ни пользы, ни славы от этого нашей науке не прибудет».⁴¹

Труды крупных ученых по тому или иному вопросу имеют научное значение не только сами по себе, ценность их состоит и в том, что они открывают новые перспективы в изучении этих вопросов. Многие из затронутых Н. К. Гудзием проблем «Слова о полку Игореве» находили дальнейшее развитие в трудах других ученых. Я уже отмечал такие случаи. Приведу еще один пример. После доклада Н. К. Гудзия 1950 г. «Итоги текстологического изучения первого издания „Слова о полку Игореве“» в 1957 г. была опубликована интереснейшая статья Д. С. Лихачева «История

³⁷ См.: Сов. книга. 1946. № 6—7. С. 98—110.

³⁸ См.: Новый мир. 1947. № 1. С. 200—207.

³⁹ См.: Там же. № 10. С. 282—288.

⁴⁰ См.: Сов. книга. № 6—7. С. 109.

⁴¹ См.: Новый мир. № 10. С. 287—288.

подготовки к печати текста „Слова о полку Игореве“ в конце XVIII в.». ⁴²
В 1960 г. вышла моя книга о первом издании «Слова». ⁴³

В ответе на 7-й вопрос IV Международному съезду славистов в 1958 г. «Какие возникают задачи дальнейшего изучения „Слова о полку Игореве“», ⁴⁴ Н. К. Гудзий поставил ряд таких задач. Одна из них — «продолжить и углубить работу по лексикологии „Слова“» была решена изданием «Словаря-справочника „Слова о полку Игореве“», первый выпуск которого вышел в год смерти Н. К. Гудзия — в 1965 г., а последний, 6-й, — в 1984 г. накануне 800-летия «Слова». Некоторые из поставленных Гудзием задач находили частичное решение в текущих работах по «Слову о полку Игореве», многие из обозначенных им задач еще требуют своего решения.

Исследования и статьи Н. К. Гудзия о «Слове о полку Игореве», раздел о «Слове» в его «Истории древней русской литературы», являвшейся на протяжении нескольких десятилетий самым главным и самым популярным учебником по истории русской литературы первых семи веков ее существования, сыграли огромную роль в постижении и пропаганде этого гениального литературного памятника XII столетия. Не меньшая заслуга Н. К. Гудзия в «Слововедении» заключается и в той принципиальности, с которой он боролся против дилетантизма в изучении «Слова» и выступал в защиту его подлинности и древности.

⁴² См.: ТОДРЛ. М.; Л., 1957. Т. 13. С. 66—89.

⁴³ Дмитриев Л. А. История первого издания «Слова о полку Игореве»: Материалы и исследование. М.; Л., 1960.

⁴⁴ IV Международный съезд славистов: Сб. ответов на вопросы по литературоведению. М., 1958. С. 25—26.